

Философский камень — это *небесный брак Меркурия-ртути и серы; gebis — гермафродит — бородатая богиня, женоподобный святой, бесполоый бог; духи воздуха, леса и моря; летящий орел — вороний клюв; король и королева — красный жених и лилейная невеста; наземная фауна — зеленый лев и пятнистая пантера; пресмыкающиеся, но и летающий дракон — земноводная жаба; чудища преисподней: ихневмон, саламандра, василиск и, наконец, вещи и имена неживого минерального царства, но одушевляемые в алхимическом самосознании: синее олово, пурпурное одеяние, золотое руно. Намек на порядок.*

Но... еще раз — сверху вниз. Предельно упрощенная, но и предельно одухотворенная иерархия алхимического космоса, иерархия стихий, отражающая человека и отражаемая в человеке: *ангелы, демоны, планетные духи кабалы, духи умерших, низшие стихийные духи, духи огня (саламандры), воздуха (сильфы и сильфиды), духи воды (ундины), духи земли (гномы)*. И, наконец, величественный *Ното Jaber*. Все названное — в нем, для него, через него.

Символотворческая природа мышления в о о б щ е, казалось бы, выводит проблему за пределы конкретной исторической реальности в мир устойчивых архетипических конструкций. Нечто уподоблено, приравнено чему-то, отождествлено с чем-то. При этом всегда сохраняется каприз различия, принципиальная несходимость. Синонимия — со всеми следствиями, вытекающими из определения: синоним есть то же, да не то же.

Исследуя логику символа, А. Ф. Лосев дает набор содержательных признаков символического уподобления (1973). Прежде всего предметность символического подобия, укорененного в чувственном созерцании действительности (*вороний клюв, пятнистая пантера, зеленый лев*). Атрибут при символе делает символ уникальным.

Учет контекста обязателен, ибо лишь с помощью него можно осмыслить бессмысленность знака. Только понимание двуполой природы философского камня наполняет смыслом двойное символическое уподобление его *жениху и невесте, красному жениху и лилейной невесте*. Эпитеты *красный и лилейный* символизируют двойную цель философского камня, превращать неблагородные металлы в червонное золото и белое серебро. Отсюда два названия алхимической панацеи: *красный эликсир* и *белый эликсир*. Тогда символ есть отражение вещи, ее смысл с указанием на иное, неочевидное. *Философский камень* еще не *саламандра — дух огня*, ибо лишь *огнем* достигается прокалка *камня* до совершенного состояния. Это иносказание. Символ обобщает, зовет за пределы изображаемого. Но символ — и преображение. *Киноварь*, важнейший прафеномен философского камня, сернистая ртуть красного цвета: *пурпурное одеяние, золотое руно*. Образ вещи отграничивается в первоначальном всекачественном *хаосе*. Намечается закон вещи, ее идейно-образное оформление: *змея, дракон, Урборос*. Все это — и выражение, и знак вещи. Вместе с тем очевидное содержание символа не имеет ничего общего с самой вещью, зато именно поэтому символ в состоянии схватить и схватывает